

Бюджетное научное
учреждение
Республики Алтай
«Научно-исследовательский
институт алтаистики
им. С.С. Суразакова»

Алтай Республиканын
бюджет билим тӱзӱмдӱ
«С.С. Суразаковтын адыла
адалган алтаистиканын билим-
шинжӱлӱк институту»

(БНУ РА «НИИ алтаистики
им. С.С. Суразакова»)
Социалистическая ул., д.6,
г. Горно-Алтайск,
Республика Алтай, 649000
Тел. (38822)-25304
E-mail: altaistika@mail.ru

Социалистический ором, 6
Горно-Алтайск кала, 649000
Республика Алтай
Тел. / факс (38822)-25304
E-mail: altaistika@mail.ru

«29» ноябре 2021 г. № 503

СВЕРЖДАЮ
Директор
БНУ РА «НИИ алтаистики
им. С.С. Суразакова»
Н. В. Екеев
2021 г.

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

о диссертации Майи Абжапаровой «Цветобозначения в казахском языке в сопоставлении с алтайским языком», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание (Новосибирск, 2021 г.)

Диссертационное исследование Майи Абжапаровой посвящено изучению цветобозначений в казахском языке в сопоставлении с алтайским языком.

Актуальность и научная новизна реферируемой работы определяется тем, что в ней впервые проводится описание общих и специфических черт родственных казахского и алтайского языков на уровне построения функционально-семантического поля цветобозначений.

Исследование выполнено на обширном фактическом материале, который хронологически охватывает период с XVIII в. по наши дни. Одним из основных источников сведений по алтайскому языку, по словам автора, являются работы А. Н. Майзиной [2006, 2008]. Следует отметить, что с момента издания монографии А. Н. Майзиной «Семантическое поле цветобозначений в алтайском языке (в сопоставлении с монгольским

языком)» (2008) прошло более 10 лет. За этот период в лингвистике появилось немало интересных работ, о чем свидетельствует подробный обзор литературы, приведенный автором диссертации. В этой связи исследование Майи Абжапаровой, безусловно, представляет собой особую теоретическую ценность и может внести весомый вклад в развитие науки о цвете.

Реферируемая работа представляет определенную практическую ценность. Полученные в нем результаты могут быть использованы на курсах по лексикологии казахского языка, лингвокультурологии, этнолингвистики, сравнительно-историческому языкознанию, при подготовке лексикографических работ, разработке электронных корпусов и т.д.

В своей диссертационной работе Майя Абжапарова использует комплексную методику, включающую сравнительно-сопоставительный метод, метод компонентного анализа, а также ассоциативный эксперимент.

На основе имеющихся языковых данных в работе ставится целью выявление сходств и различий в семантике цветообозначений в казахском и алтайском языках. В соответствии с поставленной целью выстраивается и композиционная структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и приложений.

Во введении определяется объект исследования, раскрываются актуальность и научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы.

Кроме того, во введении формулируются ключевые положения, выносимые на защиту. В частности, автор постулирует, что функционально-семантическое поле цветообозначений в казахском языке построено по принципу «ядро – периферия». Ядром поля является лексема *тұс* 'цвет', вокруг него группируются микрополя, которые имеют иерархическую структуру и организуются вокруг базовых цветообозначений.

Вполне обоснованным и ожидаемым можно считать утверждение автора о том, что большая часть цветообозначений в казахском и алтайском языках материально совпадают и относятся к общетюркскому пласту лексики.

В главе I «Концептуализация цвета в языках разных систем» автором рассматриваются критерии выделения цветообозначений в разных языках и всевозможные подходы к их изучению в лингвистике. Так, автором подробно описываются исторический, лексико-семантический, сопоставительный, когнитивный, этнокультурологический, функциональный, грамматический и гендерный подходы.

В главе I также проводится анализ теоретических источников по теме исследования в тюркских языках, в том числе в казахском и алтайском. Вводится основной понятийно-терминологический аппарат исследования.

Несомненно, большой заслугой автора в рассматриваемой главе является описание методики проведенного ею ассоциативного эксперимента среди студентов – носителей казахского языка с целью выявления эталонных сравнений.

В главе II «Структура микрополей цветообозначений в казахском и алтайском языках» автором представлены основные результаты

сравнительно-сопоставительного исследования. В частности, проводится анализ микрополей цветообозначений в казахском и алтайском языках. Особый интерес здесь представляет оригинальный подход автора к структуре семантического поля «Цвет». Так, внутри поля она выделяет такие зоны как ядро, околядерная зона, периферийная зона, интерпретационная зона и ассоциативная зона.

Интересным явлением в рамках главы, наиболее ярко отражающим специфику казахского и алтайского языков, оказалось то, что в казахском языке для выражения высокой степени проявления признака используется только частичная редупликация, а в алтайском языке применяется как полная, так и частичная редупликации.

Во II главе автором проведено подробное описание семантических структур казахских и алтайских цветообозначений *ақ* ~ *ак* 'белый', *қара* ~ *кара* 'черный', *қызыл* ~ *кызыл* 'красный', *көк* ~ *көк* 'синий', *жасыл* ~ *јажыл* 'зеленый', *сары* ~ *сары* 'желтый', *сұр* ~ *боро* 'серый', *қоңыр* ~ *күрен* 'коричневый'. Выбор этих цветообозначений, по словам автора, был обусловлен тем, что они в обоих языках являются базовыми цветообозначениями, обладают частотностью и широкой семантикой.

Сопоставление цветообозначений в двух генетически родственных языках позволило автору работы выявить как сходства, так и различия в структуре их лексических значений. К примеру, в семантической структуре лексемы *ақ* ~ *ак* 'белый' общими значениями стали такие переносные значения как 'добрый', 'честный', 'сакральный', 'священный' и т.д. К отличительным особенностям в структуре казахской лексемы *ақ* диссертант причисляет значение 'хороший, добрый, счастливый', реализующееся в составе устойчивого сочетания *ақ жол!* 'счастливого пути!' (букв.: 'белый путь'), отмечая при этом, что в алтайском языке данное значение отсутствует. Однако следует уточнить, что в алтайских благопожеланиях часто встречается выражение *Јолыгар ак болзын!* 'Счастливого пути!' (букв.: 'Пусть путь ваш будет белым!').

Интересным оказался вывод диссертанта о том, что в казахском языке фразеологические единицы с компонентом *ақ* могут иметь отрицательную коннотацию, в то время как в алтайском языке такого не наблюдается.

Совершенно неожиданными в рамках главы стали также результаты ассоциативного эксперимента относительно того, что белый цвет у носителей казахского языка ассоциируется в первую очередь не с предметами окружающего мира, а с духовной сферой человека.

Особое внимание в исследовании привлекают также выводы относительно семантики лексемы *сары* ~ *сары* 'желтый' в казахском и алтайском языках. Так, в казахском языке у данной лексемы выделено много специфических значений, не характерных для алтайской лексемы, например, 'молодой, неопытный', 'грустный, печальный', 'болезненный', 'интенсивный'. В числе прочих примеров автор приводит устойчивое сочетание *сары таң* 'долгое летнее утро' (букв.: 'желтый рассвет'), в составе которого казахская лексема *сары* выступает в значении 'интенсивный'.

Однако у алтайской лексемы *сары* такого значения не выделено. Отметим, что в алтайском языке аналогичное сочетание тоже имеется, но с другой семантикой. В алтайском известны градации суток или начала светового дня типа *ачу танг* 'раннее утро' (букв.: 'горький рассвет / горькое утро'), *кызыл танг* 'раннее утро' (букв.: 'красный рассвет / красное утро'), *сары танг* 'раннее утро' (букв.: 'желтый рассвет / желтое утро'). Сочетание *кызыл танг* в алтайском обозначает время, когда солнце только начинает всходить, видны его красные лучи. Устойчивые сочетания *ачу танг* и *сары танг* синонимичны, обозначают раннее утро, когда солнце еще не взошло (~ 4 ч. утра). Этот период суток принято считать переходным от ночи к дню. По поверьям, в это время еще можно встретить нечистую силу, поэтому человек должен остерегаться, вести себя тихо, смирно. Иногда это время называют *ачу сары танг* 'раннее утро' (букв.: 'горький желтый рассвет / горькое желтое утро').

Весьма интересным в работе является описание микрополя «Коричневый» в казахском языке. В частности, особое внимание вызвало то обстоятельство, что в сознании носителей казахского языка коричневый цвет передает теплые, близкие сердцу ощущения. Такая параллель наблюдается и в мировосприятии монголов. Известно, что у них коричневый цвет считается любимым.

Несмотря на вышеперечисленные достоинства реферируемого исследования, при чтении работы возникли следующие замечания:

1. Во введении, где речь ведется об основных положениях, выносимых на защиту, автор диссертации высказывает мысль о том, что сходство системы цветообозначений в казахском и алтайском языках обусловлено генетическим родством этих языков. «А имеющиеся различия в области фразеологически связанных значений объясняются разными ареальными контактами и влиянием арабского языка на казахский язык, монгольского языка – на алтайский». Однако в тексте диссертации четких доказательств того, что арабский язык оказал какое-то влияние на развитие фразеологического фонда или на развитие системы цветообозначений казахского языка мы не обнаружили.

2. Во II главе «Структура микрополей цветообозначений в казахском и алтайском языках» автор рассматривает аффиксы, при помощи которых образуются цветообозначения с семантикой неполноты проявления признака в казахском и алтайском языках. Так, в казахском языке ею выделено 11 подобных аффиксов, а в алтайском – 8. При этом, автор на стр. 55–56 отмечает, что аффиксы казахского языка имеют параллели с узбекским, башкирским, ногайским, татарским языками, в алтайском языке используются аффиксы, общие для языков Южной Сибири. Об этом постулируется также на стр. 7, в Положениях, выносимых на защиту. Однако никаких подтверждающих материалов по вышеуказанным языкам в работе не приведено.

3. К большому сожалению, в работе диссертант довольно часто не приводит подтверждающих данных по этимологии слов в казахском языке.

Например, на стр. 157 утверждается, что по мнению многих исследователей казахского языка, производящей основой *жасыл* является *жас* ‘молодой’, -*ыл* – архаичный суффикс. На стр. 169 относительно происхождения топонима *Сарыарқа* говорится: «...одни ученые дают интерпретацию как ‘древняя местность’, возможно, связывая с желтым цветом, другие говорят о втором смысле перевода – ‘великий, важный’». На наш взгляд, было бы целесообразным уточнить какие именно ученые рассматривали этимологию данного слова.

В исследовании отсутствуют подтверждающие данные по некоторым заимствованным в казахском языке цветообозначениям. Так, на стр. 59 автор отмечает, что слово *қырмызы*, сочетающееся с лексемой *кызыл* ‘красный’, пришло в казахский язык из азербайджанского. Аналогичным образом, на стр. 178 аргументируется, что лексема *талшын* ‘каштановый’ является заимствованием из персидского.

На стр. 183 автор отмечает, что лексемы *қоңыр* ~ *күрен* ‘коричневый’ являются общетюркскими, а на стр. 184 голословно утверждает о том, что в обоих языках эти лексемы были заимствованы из монгольского языка.

4. К сожалению, в работе не получил должного освещения вопрос о целесообразности привлечения так называемого 100-словника Сводеша. К примеру, на стр. 128 автор пишет: «Прилагательное с семантикой ‘красный’ является древнетюркской лексемой, входит в 100-словный список Сводеша». А на стр. 164 пишет: «Лексема *жасыл* ~ *јажыл* ‘зеленый’ не является древнетюркской, не входит в 100-словный список Сводеша». При этом следует отметить, что в отношении лексем, обозначающих белый, черный, желтый, серый и коричневый цвета, данный список автором не привлекался.

5. В исследовании в качестве наглядного иллюстративного материала часто приводятся обобщающие таблицы. Однако никаких пояснений к ним не приводится, что значительно затрудняет их восприятие. Так, по содержанию таблицы 4 «Значения цветообозначений *ақ* ~ *ак* ‘белый’ в казахском и алтайском языках» на стр. 93 непонятно, по какому принципу были отобраны и внесены в таблицу значения упомянутых выше лексем. К примеру, в таблице у казахской лексемы *ақ* отсутствуют значения ‘сильный’, ‘изможденный, нездоровый, больной’, ‘высокого качества, наилучший’. Не совсем понятным представляется также выделение в семантической структуре алтайского слова *ак* значения ‘выходить в свет, печатать’, поскольку данное слово по своей грамматической принадлежности является прилагательным, а не глаголом.

6. Следует отметить, что в тексте диссертации иногда встречаются не совсем удачные высказывания автора. Например, на стр. 183 встречается следующее высказывание: «Периферия микрополя коричневого цвета оказалась одной из самых разнообразных среди всех лексем в сопоставляемых языках, большое число появлений синонимов, возможно, связано с тем, что изначально в этимологическом словаре были даны два названия коричневого цвета». О каких именно лексемах, в каком языке и о каком этимологическом словаре идет речь, непонятно.

7. В тексте диссертации встречаются случаи неправильного оформления ссылок на научные работы. Это касается случаев, когда текст цитируется не по первоисточнику, а по другому изданию. Так, на стр. 95 автор приводит мнение немецкого ученого-этнографа Гроссе о том, что для казахов черный цвет – полисемантический. Но отсылка при этом дается на работу [Погодин 2010: 29]. В некоторых случаях неправильно указываются авторы цитируемых исследований. Например, на стр. 24 соавтором работы якутского лингвиста Е. Н. Афанасьевой «Развитие семантики цветообозначений *урун* ‘белый, светлый’ и *манган* ‘белый’ в якутском языке как свидетельство языковых контактов» ошибочно указана башкирский исследователь Р. Т. Муратова.

Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что в списке литературы не обнаруживаются те или иные цитируемые труды. Так, отсутствующими оказались такие работы как [Охрицкая 2012: 14] (ссылка имеется на стр. 118), [ЭСТЯ 2020: 220] (отсылка дана на стр. 165).

8. Обращает на себя внимание также несколько небрежное написание алтайских слов. Так, в тексте диссертации автором допущены ошибки и опечатки в написании примеров на стр. 46, 57, 60, 124, 139 и др.

В тексте диссертационной работы встречаются также некоторые несовпадения в переводах слов с казахского на русский язык. Например, на стр. 146 словосочетание *қою көк* в основном значении переведено на русский как ‘полностью синий’, а в иллюстративном примере переведено как ‘темно-синий’: *Алматыны кешелі бері қою көк түтін басып қалды* – Со вчерашнего дня Алматы захватил темно-синий дым.

На стр. 170 сочетание *сары таң* (букв.: ‘желтый рассвет’) переведено на русский язык как ‘долгое летнее время суток’, а в иллюстративном примере переведено как ‘долгое летнее утро’: *Тағы да күз, тағы, міне, сары таңды ұзақ түн* – Снова осень, опять долгое летнее утро (М. Макатаев. Снова осень, опять долгое летнее утро. С. 171).

Перечисленные выше замечания не умаляют всех достоинств работы. Диссертация Майи Абжапаровой является законченной, самостоятельной научно-квалификационной работой, теоретические положения которой можно квалифицировать как научное достижение, она вносит существенный вклад в изучение цветообозначений в языках разных систем. Основные положения работы опубликованы автором в 4 публикациях, рекомендованных ВАК для публикации результатов докторских и кандидатских исследований. Автореферат диссертации полностью соответствует содержанию диссертации.

Диссертационное исследование Майи Абжапаровой соответствует требованиям пп. 9, 10, 11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», предъявляемых к кандидатским диссертациям, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842, а её автор, Майя Абжапарова, заслуживает присуждения искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Отзыв составлен старшим научным сотрудником научно-исследовательского отдела языка, фольклора и литературы БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова», кандидатом филологических наук Аржаной Николаевной Майзиной (специальность по защите: 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание).

В обсуждении принимали участие сотрудники научно-исследовательского отдела языка, фольклора и литературы БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова»: канд. филол. наук, руководитель отдела Б. Б. Саналова, канд. филол. наук А. Э. Чумакаев, старший научный сотрудник Н. Н. Тыдыкова, научный сотрудник Е. В. Чайчина.

Отзыв утвержден на заседании научно-исследовательской группы алтайского языка научно-исследовательского отдела языка, фольклора и литературы БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова», протокол № 28 от 29.11.2021 г.

Руководитель научно-исследовательского отдела языка, фольклора и литературы, канд. филол. наук

Саналова Байару Борисовна

Директор БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова»

Н. В. Екеев

Подписи Б. Б. Саналовой, Н. В. Екеева заверяю.
Специалист по персоналу О. Н. Бадакина
Для 29 ноября 2021 г.

Сведения о ведущей организации:

Официальное название организации: Бюджетное научное учреждение Республики Алтай «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова» (БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова»)

Почтовый адрес: 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. Социалистическая, д. 6.

Телефон: 8-388-22-2-53-04

Факс: 8-388-22-2-53-04

Электронный адрес: altaistika@mail.ru

Страница организации в интернете: <https://niialt.ru/>